

УДК 372.881.161.1

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Орехова Л. А.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО РК «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: la.orehova@gmail.com*

В статье используются редкие документы 1820–1840-х годов, хранящиеся в фондах Государственного архива Республики Крым, а также в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, дающие вполне определенные представления о положении, местных проблемах и развитии народного образования в Таврической губернии в начале XIX века. При анализе использованы ежемесячные отчеты и докладные записки учителей в Дирекцию Таврических училищ о ходе учебного процесса, количестве, национальностях учеников и их успеваемости (иногда с описанием пройденного материала, оценками), о бытовых условиях работы уездных и приходских училищ. Представлены документы, отражающие инициативы Министерства просвещения России по проблемам национального образования, освещена работа попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича по инспектированию народных училищ, по развитию училищных библиотек, по составлению дидактически выверенных учебных программ, предусматривающих последовательное увеличение учебных часов на русский и национальные языки в учебных заведениях. Особо представлены меры губернского начальства по подготовке национальных кадров (учителей, переводчиков, чиновников) и открытию Татарского училищного отделения при Симферопольской гимназии. Охарактеризованы нормы государственного финансирования, условия поступления и проживания учащихся Татарского училищного отделения, а также деятельность его выпускников в качестве учителей и, в частности, их первые попытки по составлению учебников и пособий по крымско-татарскому языку. Продемонстрированы документы о проходивших 15 сентября 1839 г. в Симферопольском уездном училище экзаменах по русскому языку для кандидатов на должности учителей; экзаменационные листы, в которых сохранились примеры анализа предложения, «критерии» и комментарии при оценивании знаний.

Ключевые слова: народное образование в Таврической губернии, Одесский учебный округ, Д. М. Княжевич, Татарское училищное отделение, учебные программы.

ВВЕДЕНИЕ

История народного образования в Крыму остается в числе актуальных в филологической регионалистике. Сохранившиеся в Крымском государственном архиве Республики Крым документы Дирекции училищ Таврической губернии, отчеты учителей, отчеты об инспекциях попечителя учебного округа, ведомости и др. – позволяют аргументировано подойти к **цели** нашего исследования: составить представление о программах, проблемах и условиях преподавания русского и национальных языков в учебных заведениях губернии 1820–1840-х годов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Вторая четверть XIX в. признавалась временем реформ в народном образовании [12]: реформой 1828 г. разделялись учебные программы приходских, уездных училищ и гимназий, постепенно исключалась преэминентность в системе школ. По Положению об учебных округах 1835 г., с целью «единства ответственности», «простоты и, следовательно, достоверности управления», народные учебные заведения переходили из ведения университетов (Таврическая губерния, в частности, находилась в ведении Харьковского университета) в непосредственное ведение попечителей учебных округов. Положение 1836 г. о производстве в чины и «об определении пенсий по учебной части» улучшало материальное обеспечение учителей; в 1839 г. вышло Положение о «реальных» классах при учебных заведениях. Кроме того, с назначением в 1833 г. министром просвещения С. С. Уварова происходят существенные изменения в стратегии народного образования, учебных программах и материальном обеспечении учебных заведений, что потребовало активной работы попечителей учебных округов и местного начальства. Таврическая губерния (наряду с Екатеринославской, Херсонской губерниями и Бессарабским краем) с 1832 г. входила в Одесский учебный округ. К 1840 г. по числу обучающихся на душу населения губерния занимала одно из первых мест в России: 1:93. Для сравнения: в Подольской губернии 1:631; Полтавской 1:509; Вятской 1:538; Московской 1:471; Харьковской 1:284; Херсонской 1:61 [24, с. 29].

К 1840-м годам в губернии работало 15 казенных учебных заведений: 1 гимназия, 7 уездных училищ с 440 учениками и 7 приходских, где обучалось 245 учеников; в соответствии со штатным расписанием, в них работало 56 учителей. Кроме того, немало было так называемых «частных» национальных учебных заведений, существовавших при приходах или национальных обществах «на счет» добровольных пожертвований: 2 еврейских, 2 караимских, армянское, немецкое училища, греческие школы при церквях [20, с. 74], медресе, почти в каждом селе имелись начальные татарские школы – мектебы. В приходе Биюк-Дорами при еврейском обществе действовало 2 еврейских училища: одно – с 1785 г., другое – «какого года по древности, неизвестно»; оба содержались «на счет 3 гильдии карасубазарских купцов Хайма и Леви». В 1816 г. в Карасубазаре открылось приходское училище при армянской церкви (под ведением 3 гильдии купца Ник. Ив. Семенова); с 1820 г. при армяно-католической церкви Карасубазара работало приходское училище, где изучались словесность на армянском языке, а также русское чтение и письмо. Имелись греческая школа при Симферопольской греческой церкви, еврейская школа при синагоге, 70 учащихся состояло в Симферопольском медресе, с 1836 г. в Симферополе существовало немецкое училище, где обучали чтению и письму на немецком языке [1]. Обучение в частных и «неподведомственных» Министерству просвещения национальных школах в основном «относилось до религии», в редких из них учили читать, писать и первым правилам арифметики. При этом религиозные учебные заведения предпочитали не заявлять о себе официально. Так, в 1837 г. надзиратель Бахчисарайского приходского училища докладывал штатному смотрителю Симферопольских училищ, что сведения о частных учебных заведениях Бахчисарая доставить не может, т. к. этих сведений не

дают не только по его требованию, но и по «предписанию Таврического магометанского духовного правления» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 65, л. 26]. Ведомости по частным учебным заведениям Карасубазара (ныне Белогорск) удалось, например, составить лишь по предписанию Таврического губернатора. А из Керчи сообщили, что частная греческая школа «не подает отчетов» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 524, л. 3]. Ввиду таких сложностей, штатные смотрители отписывались в отчетах, что частных учебных заведений в их уездах нет: так в 1839 г. докладывали смотрители училищ Евпаторийского, Севастопольского уездов [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 524, л. 2, 4; ед. хр. 526, л. 19]. Были, впрочем, и «подведомственные» частные учебные заведения, т. е. действовавшие с позволения попечителя учебного округа: частная школа для образования девиц в Симферополе (кол. сов. Смолина), Керченский (Кушниковский) девичий институт (попечительница гр. Е. К. Воронцова), а также девичий пансион Дево-Сен-Феликс в Севастополе.

Еще в середине 1780-х годов Г. А. Потемкин, выполняя волю Екатерины II, планировал образование ряда народных школ в Крыму не только для русских учащихся, но и для тех, «кои греческий, татарский или иной язык употребляют, устроая при том в главных городах по одному главному народному училищу для больших классов и обучения школьных учителей» [13, с. 34]. Но проблема открытия государственных национальных учебных заведений, в частности, татарских, упиралась в национальные традиции и отсутствие национальных педагогических кадров. Поэтому в 1830-е годы по государственным программам подготовки национальных кадров особое внимание стали уделять восточным языкам, что коснулось ряда учебных округов, в частности, Одесского. В Ришельевском лицее (Одесса) была образована кафедра арабского, турецкого и персидского языков. Известный ориенталист Б. А. Дорн говорил «о чрезвычайной важности» и быстрых успехах изучения азиатских языков в России. Крым нуждался в учителях татарского языка, а также переводчиках, писарях, чиновниках.

В начале XIX в. в Симферопольском уездном училище (открыто в 1809 г.), «ввиду местных потребностей», начали преподавать татарский язык; вводилось и преподавание французского, итальянского, греческого языков. Уже через год стало ясно, что для успешного обучения татарские дети должны прежде пройти курс русского языка; решено было открыть «низший» класс, чтобы дети татар «могли привыкнуть к обхождению с российским юношеством с помощью своего учителя». 16 июня 1810 г. «низшее» татарское отделение было открыто; поступило 23 ученика. Но детей-мусульман, желающих обучаться, оказалось мало, и на вакантные места приняли 10 учеников христианского вероисповедания, причем несколько – из дворянских семей.

1 сентября 1812 г. была открыта Симферопольская гимназия, а в 1827 г. при ней образовали татарское училищное отделение, которое упраздняло аналогичное в уездном училище, поскольку в учебном, в религиозном и бытовом отношении становилось более привлекательным для мусульманского населения, особенно для небогатых сословий и представителей сельских местностей. На этом подробнее остановимся чуть позже, а сейчас важно отметить, что вопросы национального

образования никогда не уходили из поля зрения ни руководства Таврической губернии, ни Министерства просвещения России.

Новые инициативы в развитии образования в Крыму связаны были с назначением в 1837 г., «по выбору» министра Просвещения С. С. Уварова, попечителем Одесского учебного округа Дмитрия Максимовича Княжевича (1788–1844). С. С. Уваров, с юности занимавшийся литературой (член общества «Арзамас», почетный член Вольного общества любителей российской словесности, где вице-президентом в 1824 г. был Д. М. Княжевич [13, 15]), хорошо знал его как ответственного, на редкость трудоспособного чиновника Министерства финансов, литератора, издателя [14, 16, 18]. На Княжевича как попечителя учебного округа возлагалась ответственность за очередные конкретные мероприятия, и ожидания С. С. Уварова вполне оправдались. В Одессе Княжевич многое сделал для реорганизации Ришельевского лицея, в 1839 г. создал Одесское общество истории и древностей (ООИД), сам редактировал первый том Записок Общества, возобновил издание «Новороссийского календаря» (до сих пор являющегося для крымских краеведов источником важнейших сведений), издал 2 выпуска «Одесского альманаха» на 1839 и 1840 годы [11, с. 335–337]. К слову: являясь членом Российской академии (с 1837 г.), Д. М. Княжевич в сотрудничестве с Н. И. Надеждиным, А. Ф. Шениным, К. М. Бороздиным в 1830-е гг. разрабатывал проект издания Отечественного словаря [22, л. 2].

Но сейчас важно отметить его инициативы по совершенствованию работы учебных заведений. По несколько раз в году Княжевич объезжал с инспекциями самые отдаленные районы округа, в том числе Таврической губернии, искал и приглашал для работы в училищах округа студентов, заботился о составлении училищных библиотек, создании учебников для национальных школ, привлекая к этому учителей. В первые же месяцы пребывания в Одессе Княжевич обращается к своему другу, драматургу и академику М. Е. Лобанову (10 декабря 1837 г.): «Кажется, у нас в Академии есть много книг, как ею изданных, так и купленных, которые лежат без пользы, а здешние учебные заведения очень бедны библиотеками. Нельзя ли Академии поделиться? Если можно, то научите, как это лучше сделать? Очень много этим обяжете, ибо недостаток в книгах большой, а денег на это нет. Сердце болит, глядя на здешние заведения, из которых много полезного можно сделать, если бы были средства» [21, л. 4].

В отчете Министерства просвещения за 1838 г. отмечалось, что «действительный статский советник Княжевич <...> постиг особенную цель своего назначения» в таком крае, «которого отличительный характер составляет <...> соединение разнородных племен и где на училищных скамьях сидят вместе и русские, и поляки, и итальянцы, и немцы, и французы, и молдаваны, и евреи, и турки, и татары, и караимы, и армяне, и греки, и болгары» [6, с. XCIV–XCV]. Княжевич ревностно выполнял свой долг, посещая «закоулки, носящие имя училища: еврейскую школу, мусульманское медресе»: «Тут надо было видеть его иногда в грязной лачуге, без окон и пола, выслушивающего робкий лепет оборванных, босоногих ребятишек» [2, с. 15]. В Крыму, в частности, при содействии Княжевича ускорено открытие в 1837 г. татарских классов в Бахчисарае и Карасубазаре (при

приходских училищах, на счет тамошних городских дум). Тогда же, в 1837 г., татарский язык как местный вновь введен в Симферопольском уездном училище [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 65, л. 3] и во всех приходских училищах Крыма, для чего изменено распределение учебных часов и добавлено 6 уроков в неделю. Вместе с тем, Княжевичем были пересмотрены все программы преподавания и «устроены» «на разумно-верных началах»: «С этой целью попечителем были созданы программы, в которых распределение учебных часов приравливалось к понятиям каждого возраста и сообразно с практической целью». Так, в низших классах отменялась часть наук и языков, предпочтение отдавалось практическим занятиям, «в особенности *по отечественному языку* (курсив мой. – Л. О.)» [10, с. 47–48]. Составленные Д. М. Княжевичем «Программы для Преподавания всех предметов в Гимназиях и в Училищах Уездных и Приходских» представляли собой «как бы ручную педагогическую книгу, в которой низшее и среднее воспитание, с постоянным вниманием к возрасту <...> и местным потребностям воспитывающегося юношества, ведется от низших ступеней до высших, с удивительно-выдержанною последовательностью, <...> так что каждый предмет, во всех своих мельчайших подробностях, идет с другими параллельно» [23, с. II]. В Государственном архиве Республики Крым среди документов уездных училищ сохранились «Программы» Княжевича. В соответствии с ними преподавание русского языка в училищах должно занимать первое место: «В Новороссийском краю это особенно необходимо <...>, ибо, не говоря уже о значительном числе живущих здесь греков, евреев, немцев, татар, молдаван <...>, дети которых поступают в училища, вовсе не зная по-русски, самые природные русские в здешнем краю не только из низших и средних сословий, но и из высших, говорят весьма испорченным наречием русского языка» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 113]. «Программы» увеличивали количество занятий по русскому языку во всех классах до 25 часов в неделю. На практике это выражалось в замене некоторых занятий на уроки русского языка по одному часу в неделю. Скажем, на 1 час в неделю уменьшалось количество уроков латинского языка, и этот час отводился на урок языка русского; преподавание Закона Божия в 3 и 4 классах уменьшилось с 11 до 9 часов в неделю, зато 2 часа прибавлялось для занятий русским языком [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 526, л. 144]. Д. М. Княжевич хорошо разобрался в этих вопросах и предлагал программы по *всем* изучаемым предметам, причем акцент делался на *понимании* материала, а не заучивании наизусть. В пособии буквально продемонстрировано, *как* следует вести урок истории, где учитель объясняет *доступным* детям языком, «*своими словами*», и того же требует от учеников.

Следует понимать, что с начала XIX в. обязательные программы обучения не менялись долгие годы, в гимназический курс не входили русский язык и арифметика, которые, в соответствие с Уставом 1804 г., изучались в уездных училищах. В результате сложилось так, что в гимназическом курсе Симферополя дети с 1 класса изучали латинский, немецкий, французский языки, риторику, логику – и лишь один раз в неделю в 1 и 2 классах проводились занятия по дисциплине «Всеобщая грамматика» [3, с. 8, 9]. Наличие дисциплины с таким названием, да еще и в младших классах гимназии, сегодня вызовет у лингвистов удивление. Но начало XIX века было временем всеобщего философского увлечения «едиными основами существования

языкового сознания у разных народов» [25, с. 31]. «Философско-грамматическое» направление отразилось на составлении учебных руководств, которые, ввиду отсутствия «четкого разграничения школьной и научной грамматики», зачастую использовались как учебники [25, с. 33]. Нужно ли говорить, что материалы эти были недоступны детскому пониманию; в школах необходимы были уроки практического правописания.

Ранее, 5 июня 1819 г., министр Духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицын подписал Циркуляр из Департамента народного просвещения «О предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах», разработанный С. С. Уваровым (на то время попечителем С.-Петербургского учебного округа). Циркуляр впервые предусматривал увеличение учебных часов на изучение русского языка в уездных училищах, в число обязательных дисциплин включались российская грамматика, чистописание, правописание, правила слога [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 110, л. 16]. Что касается гимназий, то предполагалось, что сюда дети придут со знаниями уездного училища, и в гимназических курсах русский язык уже не предусматривался. Это положение следовало менять.

Вот почему в 1839 г. «Программами» Д. М. Княжевича вводились в учебные планы Симферопольской гимназии чистописание, русский язык, в старших классах – словесность, что с одобрением было встречено министром просвещения С. С. Уваровым. Кроме того, вышел Указ, что в Таврической губернии и области Бессарабской воспитанникам гимназий и училищ нерусского происхождения при поступлении на службу, при условии отличного знания русского языка, даровалось право получения чина XIV класса [7, № 1, с. 14]. В Крыму ускоренно составлялись «особенные книги для чтения и прописи» для татарских училищ [7, № 5, с. 81], привлекались к этой работе учителя. Так, учитель Симферопольского уездного училища Виктор Ивлов занимался составлением «Краткой Российской грамматики» для учащихся [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 573, л. 3].

Это вовсе не означало забвение языков национальных. Например, в Перекопском уезде, где была самая многочисленная община немцев-колонистов, по ходатайству штатного смотрителя Перекопского уездного училища Ег. Шевелева и с разрешения министра народного просвещения, помимо татарского языка (с 1835 г.) с 1 сентября 1837 г. в учебные планы введены латинский, немецкий языки, с 1839 г. – греческий [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 525, л. 13, 14]. Греческий язык изучался добровольно начиная с III класса в Симферопольской гимназии: 1 час в неделю в III классе, по 4 часа – в IV–V классах, по 3 – в VI–VII. Для тех, кто не учил греческий язык, часы, отведенные для него, заменялись в III классе чистописанием, в VII – математикой [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 4]. С 1836 г. изучение татарского и греческого языков «предоставлено на волю обучающихся» в Феодосийском уездном училище, для этого отведены особые часы в виде дополнительных: 12-ый час каждый день утром и 3–4-ые часы пополудни по средам и субботам – всего 9 часов в неделю [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 26–27, 34]. В 1840 г. введено изучение немецкого языка в Керченском уездном училище [24, с. 14].

15 мая 1838 г., по предложению Д. М. Княжевича, вышло *новое* Положение для татарского училищного отделения при Симферопольской гимназии. В добавление к

определенным на содержание училища еще в 1827 г. 8500 руб., по ходатайству Княжевича [24, с. 80], из государственной казны решено отпускать еще по 2000 руб. в год: на увеличение жалования татарскому учителю (800 руб.), двум надзирателям (900 руб.), мулле за преподавание Закона (200 руб.), «да на книги и учебные пособия для воспитанников» – 100 руб. [7, № 4, с. XCIV–XCV]. Так как основная задача училища – «образование учителей для городских и сельских татарских училищ», решено принимать ежегодно на счет казны 20 человек *татарских детей бедного состояния и «преимущественно из духовного звания»*; могли быть принимаемы и своекоштные воспитанники, «но не иначе, как из детей татар» с платежом ежегодно по 300 руб. и «единовременным взносом на первоначальное обзаведение по 50 руб.». Согласно Положению, воспитанники отделения обучаются в гимназии вместе с другими учениками всем предметам, кроме христианского Закона и иностранных языков, «коих изучение предоставляется им, впрочем, на волю». Русский язык изучался «преимущественно перед прочими науками». Определение в татарское училищное отделение зависело от Таврического гражданского губернатора, о каждой вакансии дирекция уведомляла попечителя. Принимались дети не младше 8 лет и не старше 12 со свидетельством о привитой оспе, при этом умеющие читать и писать «определяются преимущественно перед другими». Ставилось важное условие: без уважительных причин казенный воспитанник не может оставить учебу и по окончании курса обязан отработать 6 лет в учительском звании (на своекоштных это не распространялось).

В Положении оговаривалось, что суммы, отведенные на содержание училища, «не смешиваются с другими, но употребляются единственно для нужд или пользы сего заведения». Вместе с воспитанниками живут 2 надзирателя, «надежной нравственности и объясняющиеся на татарском языке». Татарский язык преподается не менее 12 часов в неделю, для обучения магометанскому Закону Таврический муфтий назначает муллу или эфенди. Во время магометанских праздников воспитанники ходят в мечеть и освобождаются от учения. Учебные книги, бумага и вообще «все нужное» предоставляет ученикам Отделение. Воспитанники одеваются сообразно с общею формою для гимназий. «Белье на воспитанниках, а равно и столовое, переменяется 2 раза, а постельное – 1 раз в неделю». «Пища для воспитанников готовится здоровая, в достаточном количестве и сообразно законам магометанским». При Отделении назначается особая комната для больных, для прислуги определяются 2 служителя, повар из татар, а также прачка.

Приведенные нами выдержки из Положения [7, № 4, с. CLXXXI–CLXXXII] гарантировали надежное материальное обеспечение училища. Расходная смета утверждалась министром просвещения. Здесь добавим, что во всех инициативах Д. М. Княжевича надежным помощником ему в Крыму был младший брат Владислав Максимович Княжевич (1798–1873), чиновник, прошедший в Министерстве финансов России школу Е. Ф. Канкрин и служивший с 1832 г. председателем Таврической казенной палаты и вице-губернатором. С юности он увлекался литературой, историей [11, с. 469–523]; в Крыму активно вникал в материальные проблемы учебных заведений, передавал в гимназическую библиотеку книги, пособия, периодические издания. К чести В. М. Княжевича упомянем, что в начале

Крымской войны именно он организовал, по отсутствию госпиталей в Симферополе, размещение раненных в Альминском сражении солдат в чиновничьих домах, а в собственном доме поместил 116 человек; позднее он возглавил Крестовоздвиженскую Общину сестер милосердия [19, с. 431–461].

Как председатель казенной палаты, В. М. Княжевич имел возможность контролировать поступление денежных сумм в Татарское училищное отделение. В Крымском архиве сохранилась смета 1839 года. Из нее следует, что учителю татарского языка «положено жалование 1176 руб. в год»; 2 надзирателя получали по 735 руб., эфенди – 200, врач – 100 руб., 2 служителя при воспитанниках – по 200 руб., прачка – 180. Учащиеся отделения имели комплект одежды: мундир, куртку, 2 панталон, рубаху, 4 пары сапог, 4 пары туфель, а также татарские катыри (здесь же объясняется: «катыри – род калош, в которых татары ходят в мечеть»). Особым приказом попечителя округа разрешалось татарам вместо форменной гимназической одежды носить одеяния, «употребляемые их единоверцами – черкесские кафтаны или чекмени, шаровары, шапки черкесские и башлыки» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 28, л. 31].

В 1839 г. в Татарском училищном отделении гимназии числилось 16 учеников: четверо во 2-ом классе гимназии, трое – в 3-ем, трое – в 4-ом, шестерых мальчиков приняли из уездных и приходских училищ. Кроме общегимназических дисциплин, воспитанники Отделения занимались изучением Корана, а также переводами с татарского языка на русский, а в старших классах делали переводы из греческой истории на татарский язык. В ведомостях успеваемости, как правило, оценки отличные и хорошие. Только один нерадивый имел «0» по поведению и «1» за прилежание [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 28, л. 31]. В 1840 г. в Отделении обучалось всего 10 учащихся, но постепенно оно становилось, по условиям проживания и обучения детей, все более популярным среди татарского населения. Училище регулярно проверялось попечителем, губернским и уездным начальством. В октябре 1837 г. татарское училищное отделение удостоила посещением Великая княгиня Елена Павловна в сопровождении Новороссийского и Бессарабского военного губернатора гр. М. С. Воронцова. Для усиления преподавания русского языка в татарском училище министр С. С. Уваров поручил попечителю Д. М. Княжевичу «озаботиться составлением для татарских училищ особенных книг и прописей». Характерно, что воспитанникам нерусского происхождения за хорошее освоение русского языка даровано право (в Ост-Зейских, западных губерниях, в Таврической губернии и Бессарабской области) получения чина XIV класса при поступлении на службу. Такое право в великорусских гимназиях давалось за познания в языке греческом [8, № 1, с. 14, 21].

Долгие годы учителем татарского языка в Отделении был Григорий Гайвазовский, впоследствии его ученики, выпускники Отделения преподавали татарский язык (иногда и русский) практически во всех уездах губернии: Селимов (Феодосийское уездное училище), Нурмамбек Арифметов, «из поселянского звания» (Бахчисарайское приходское училище), Осман Газиев, «из податного состояния» (Карасубазарское приходское училище), Илья Газиев (Сарабузское приходское училище). Учителя приходских училищ, в том числе и татарского языка, получали жалование из городской думы в размере 300 руб. в год и, как правило,

проживали в доме, где помещалось училище; надзиратели русских и татарских классов (они назначались духовенством) жалования не получали.

Что представляли собой в эти годы татарские классы в приходских училищах Бахчисарая и Карасубазара? Характеризовать обучение в них, опираясь на сухие статистические данные, сложно не только потому, что количество учеников менялось (выбывали и поступали новые во время учебного года), но и потому, что надзиратели училищ порой искажали цифры в «лучшую» сторону. Об истинном положении вещей нам «рассказывают» некоторые детали в отчетах. Попробуем восстановить по ним картину развития народного образования 1837–1839 гг.

Так, в Карасубазарском приходском училище количество учеников в русском классе колебалось от 28 до 36 человек, в татарский класс записалось 19. Но, как докладывал надзиратель татарского класса мулла Умер Таракчи Оглу, к 1 сентября 1837 г. среди учеников «лиц магометанского вероисповедания не имеется» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 59, л. 9], в октябре 1837 – «донины не имеется» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 59, л. 7], в декабре 1837 – «все же не имеется» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 59, л. 9]. Кто же здесь учился? По отчету 1838 г., из 19 человек на татарском отделении обучалось 4 русских, 12 греков, 2 армян, 1 магометанин. Причем дети учились успешно: отлично – 8 человек, хорошо – 5, «средственно» – 4. Преподаваемых уроков в 1838 г. в русском классе было 460, в татарском – 300. Учились дети тем же наукам, что и русские (т. е. проходили российскую грамматику, арифметику), а «сверх того обучались по-татарски» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 61, л. 9]. Любопытно, что посетивший в 1838 г. училище попечитель учебного округа Д. М. Княжевич татарским классом «был доволен» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 70, л. 12], а вот в русском классе «заметил успехи неудовлетворительные» по русскому языку, на что ему ответили, что дети, «обучающиеся в сем училище, – из греков и армян и потому весьма мало разумеют русский язык» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 70, л. 19]. В ноябре 1838 г. нерадивый учитель русского класса Карасубазарского приходского училища Павел Егоров был уволен «за нетрезвое поведение» и «беспорядки», а его уроки на время поручались татарскому учителю Осману Газиеву, для чего пришлось соединить русское и татарское отделения [Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 35 – 35 об.]. Русский и татарский классы вновь разъединились лишь весной 1839 г., с приходом нового учителя Вас. Гаврищенко [Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 42].

Обучение в приходских училищах продолжалось 2 года. Но ученики пропускали занятия, особенно с началом сезонных полевых работ. Учитель принужден был делить класс на три «разряда»: в третьем учились младшие и начинающие, изучали букварь и «склады»; второй в это время «писал из прописей», первый решал арифметические задачи. Ежемесячно аккуратно составлялись отчетные ведомости, где напротив фамилии ученика указывались его происхождение, оценка поведения, прилежания, способностей («превосходно», «изрядно», «очень хорошо», «довольно хорошо», «средственно», «посредственно», «ленив», «весьма шалун», «очень ленив», «туп»), а также отмечалось, *что* конкретно пройдено учеником за минувший месяц. Благодаря этому мы можем узнать, что, например, 15 учеников татарского класса в Бахчисарайском приходском училище в течение первого года «читали склады

татарские», изучали русский букварь, при этом кое-кто дошел «до Орел и Ворон», а 4 ученика – «до Медведь и Пчела» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 27].

Многое, конечно, зависело от заботы городского начальства, от ответственности духовенства, учителей. В январе 1839 г. надзиратель татарского класса в Бахчисарае Сеид Фетла Челеби Амиров докладывал уездному начальству, что денег, данных городскими властями, уже не осталось, и он вынужден отапливать и «подчинять» дом, занимаемый русским и татарским отделениями, на собственные деньги [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 72, л. 4, 4 об.]. 10 сентября 1839 г. он же писал в Дирекцию училищ, что учитель Закона Божия Абдраман Челеби Арифметет Эфенди Оглу «изучением не занимается и для таковой надобности в училище не является, отчего и ученики в училище не ходят» [Ф. 108, оп. 1, ед. хр. 72, л. 91]. 18 сентября 1844 г. родители учеников Сарабузской приходской школы жаловались, что учитель духовного звания «Сеид Муртаза Эфенди весьма мало занимается учением» и, «хотя бывает в классе, но большую часть занятого времени проводит во сне» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 627, л. 30–30 об.]. Вопрос упирался и в учебные пособия по татарскому языку. В отчетах упоминается татарская азбука, по которой «читают склады», но об авторах этой азбуки сведений нет. Известно, например, что в 1838 г. Феодосийское уездное училище получило по одному экземпляру татарского букваря и татарской грамматики из Петербурга, из магазина А. Ф. Смирдина, с которым в свое время близко сотрудничал Д. М. Княжевич [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 53]. Но имели ли эти книги отношение к крымскотатарскому языку?

Учебные пособия по татарскому языку из печати выходили. Только в 1840 г. их было несколько: инспектор Тифлиской гимназии Дементьев издал «Турецко-татарский словарь» и «Книгу для первоначального чтения» на татарско-турецком языке; старший преподаватель той же гимназии Арзанов с братом составили татарские прописи; штатный смотритель Тифлиского уездного училища Абовиан подготовил татарский букварь. Эти учебники не соответствовали крымским потребностям. Но вот книга, безусловно, заслуживающая внимания. Это – «Грамматика турецко-татарского языка» (1840), созданная профессором Казанского университета (впоследствии – профессор Петербургского университета) Мирзой Александром Казембеком [9, с. 9] и удостоенная в 1841 г. Академией наук половинной Демидовской премии, т. е. 2,5 тыс. руб. [12, с. 17]. Учтем, что Казембек в 1832 г. издал на татарском языке «Историю Крымских ханов» (книга имелась в библиотеке Симферопольской гимназии). Характерно, что, рецензируя «Грамматику» Казембека, профессор Дорн отмечал, что в ней представлены различные татарские наречия. Можем предположить, что и крымское?

Но это, разумеется, еще не решало дела. А потому крымские учителя, как и тифлиские, принимались за создание собственных учебников татарского языка. В 1839 г., по предложению Д. М. Княжевича, 22-летний учитель татарского класса в Карасубазаре Осман Газиев составил татарскую азбуку и послал на рассмотрение попечителю учебного округа. Отзыв на азбуку дал профессор Ришельевского лицея ориенталист В. В. Григорьев (впоследствии профессор Петербургского университета, начальник Главного управления по делам печати в 1874–1889 гг.). Есть

смысл привести замечания В. В. Григорьева, чтобы представить особую сложность составления крымско-татарской азбуки.

Недостатки представленной азбуки были не только в «не совсем ясном и точном изложении». В. В. Григорьев констатировал, что «собрание слов» в азбуке включает в себе слова татарские и «заимствованные», «пословицы суть только турецкие, а не татарские, и даже неверно переведены». В. В. Григорьев предлагал «словарь умножить», но «не арабскими и не персидскими словами, а настоящими татарскими, взятыми из домашнего быта и окружающих предметов природы»: «Причем надлежало бы преимущественно помещать такие, которые употребляются только в Крыму и неизвестны или малоупотребительны в других татарских наречиях. <...> Разговоры и пословицы можно бы было заменить с большою пользою народными песнями, сказками или отрывками из татарских летописей, описывающих Крымские события» В отзыве выражена благодарность составителю азбуки Осману Газиеву и предложено встретиться с рецензентом, который вскорости собирался приехать в Крым [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 553, л. 2].

Чуть позднее в отчете Таврического учебного начальства за 1840 г. указано, что учитель Карасубазарского приходского училища «занимается исправлением составленной им азбуки татарского языка»; кроме того, составлением татарской грамматики занимается учитель Симферопольской гимназии Гайвазовский, учитель Газиев составляет азбуку татарского языка, а учитель греческого языка гимназии Демишев переводит на греческий «Историю» Устрялова [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 526, л. 155]. Через полвека, в 1905 г. на Ялтинском съезде учителей анализировались новые учебники татарского языка Шельцера, Казаса. Ясно, что был уже накоплен определенный методический опыт, но в 1830–1840-е эта работа только начиналась.

В 1830-е гг. учителями приходских училищ иногда становились выпускники училищ уездных, получившие после специального испытания соответствующее «свидетельство». Вот любопытный архивный документ из тех времен – об испытаниях на должность учителя, проходивших на педагогическом заседании Симферопольского уездного училища 15 сентября 1839 г. Подавших прошение было трое.

1. Турецкоподданный грек Мирон Егоров сын, Севастьянов претендовал на вакансию в Бахчисарайском приходском училище. Испытание в Законе Божьем он выдержал на «4», но в русской грамматике «оказал знания очень неудовлетворительные: ибо не знает ни имен существ, ни прилагательных» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 3, 5].

2. Терентьев, уволенный из мещанского звания, в тот же день «не выдержал экзамена, и потому отложили до другого разу» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 9].

3. Уволенный из мещанского сословия Абрам Иванов сын, Тихонович, претендовавший на звание учителя приготовительного класса в Симферопольском уездном училище, «оказал очень достаточные сведения» и признан «способным занять место учителя приготовительного класса» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 7].

Сохранен и экзаменационный лист Абрама Иванова с выполненным заданием по русскому языку и предложением для разбора:

«Любезный друг!

Издавна известно тебе мое желание о поступлении на поприще ученое, теперь приступаю к испытанию своего намерения и уведомляю тебя как друга о моем предприятии» [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8].

Отметим: экзаменующийся выделил члены предложения, подчеркнув подлежащее одной чертой, сказуемое – двумя, определение – волнистой линией и написав сверху характеристики слов как частей речи, с указанием начальной формы («начало») [Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 84, л. 8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные материалы и архивные документы убеждают, что в крымском народном образовании 1820–1840-х годов наметились ощутимые тенденции к совершенствованию преподавания русского языка, что выразилось в увеличении учебных часов по предмету, составлении новых программ и выработке новой дидактической стратегии на практические цели. Такие же процессы, видимо, характерны были и для других регионов страны. Однако в многонациональном Крыму предпринятые преобразования осуществлялись в тесной связи с вопросами национального образования, организация, формы и материальное обеспечение которого не уходили из числа важнейших задач Министерства просвещения России и крымского руководства.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 100, оп. 1, ед. хр. 558, л. 77. Далее ссылки на документы ГАРК в тексте.
2. Греч, Н. И. Воспоминания о Дмитрие Максимовиче Княжевиче [Текст] / Н. Греч. – Санкт-Петербург: тип. Н. Греча, 1860. – 24 с.
3. Громова, Н. Ф. Из истории средней школы в Крыму в первой половине XIX века [Текст] / Н. Ф. Громова // Таврический научный обозреватель. Исторические науки и археология. – № 8(25). Август. 2017. – С. 6–19.
4. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1837. – № 10.
5. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1838. – № 4.
6. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1838. – № 6.
7. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1839. – № 1–5.
8. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1840. – № 1–7.
9. Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1841. – № 12.
10. Историческая записка о Симферопольской гимназии с основания ее по 1 июля 1881 года [Текст]. – Симферополь : Тавр. губ. тип., 1881. – 159 с.
11. Крымский миф в русской литературе первой половины XIX века: Свод малоизвестных свидетельств современников [Текст] / Изд. подгот. : К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет. – Великий Новгород – Симферополь : ООО «Растр», 2017. – 768 с.
12. Лалаев, М. С. Император Николай I, зиждитель русской школы : исторический очерк [Текст] / М. С. Лалаев. – СПб : тип. М. Стасюлевича, 1896. – 274 с.
13. Лашков, Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии [Текст] / Ф. Ф. Лашков. – Симферополь : Тип. П. Т. Гордиевского, 1890. – 254 с.

14. Орехова Л. А. «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича [Текст] / Л. А. Орехова // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сб. науч. статей. – Арзамас – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – С. 114–124.
15. Орехова, Л. А. Д. М. Княжевич : литература и просвещение [Текст] / Л. А. Орехова // Русский язык в поликультурном мире : X Междунар. научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 474–478.
16. Орехова, Л. А. Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года) [Текст] / Л. А. Орехова // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Т. 1(67). – № 1. – Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2015. – С. 79–87.
17. Орехова, Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича [Текст] / Л. А. Орехова // В. И. Даль – писатель и этнограф : Сб. науч. трудов, посвященный 200-летию В. И. Даля [сост. и отв. ред. : Строганов М. В., Кузнецов В. В.]. – Торжок : Всерос. ист.-этногр. музей, 2003. – С. 103–114.
18. Орехова, Л. А. Сосед Державина М. Д. Княжевич [Текст] / Л. А. Орехова // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – С. 130–142.
19. Орехова, Л. А., Орехов, В. В., Первых, Д. К., Орехов, Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография» (СТГ), 2010. – 480 с.
20. Орехова, Л. А., Первых, Д. К. Письмо П. П. Свинына в «Отечественные записки» как материал для комментария к «Путевым заметкам» А. С. Грибоедова [Текст] / Л. А. Орехова, Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2020. – Т. 6 (73). – № 4. – С. 70–91.
21. Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отдел. – Ф. 777 (Тиханов П. Н.). – Ед. хр. 2592. – Л. 3–4.
22. Российская национальная библиотека (РНБ). Рукописный отдел. – Ф. 865 (Шляпкин И. А.). – Ед. хр. 29. – 2 л.
23. Сафонов, С., Надеждин, Н., Григорьев, В. Дмитрий Максимович Княжевич. Некролог. 1844 [Текст] / С. Сафонов, Н. Надеждин, В. Григорьев // Чрезвычайное прибавление к «Запискам Одесского Общества Истории и Древностей». – Одесса, 1844. – Т. 1. – XXIV с.
24. Скальковский, А. Общественное образование Новороссийского и Бессарабского края в 1840-х годах [Текст] / А. Скальковский // Журнал министерства народного просвещения. – СПб, 1847. – № 5. – С. 28–81.
25. Телкова, В. А. Идеи всеобщей грамматики в области синтаксиса и их отражение в отечественной учебной литературе нач. XIX века [Текст] / В. А. Телкова // Филология : научные исследования. – 2020. – № 4. – С. 31–38.

References

1. *Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archives of the Republic of Crimea (SARC)]. Simferopol, f. 108, inv. 1, stor. unit 65, sh. 26.
2. Grech N. I. *Vospominaniya o Dmitrii Maksimoviche Knyazheviche* [Memories of Dmitry Maksimovich Knyazhevich]. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha Publ., 1860. 24 p.

3. Gromova N. F. *Iz Istorii Srednei Shkoly v Krymu v Pervoi Polovine XIX Veka* [From the History of the Secondary School in the Crimea in the First Half of the 19th Century]. *Tavrisheskii Nauchnyi Obozrevatel'. Istoricheskie Nauki i Arheologiya*, 2017, no. 8 (25). August, pp. 6–19.
4. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1837, no. 10.
5. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1838, no. 4.
6. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1838, no. 6.
7. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1839, no. 1–5.
8. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1840, no. 1–7.
9. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1841, no. 12.
10. *Istoricheskaya Zapiska o Simferopolskoi Gimnazii s Osnovaniya Yee po 1 Iyulya 1881 Goda* [Historical Note about the Simferopol Gymnasium from its Foundation to July 1, 1881]. Simferopol: Tavricheskaya Gubernskaya Tipografiya Publ., 1881. 159 p.
11. *Krymskii Mif v Russkoi Kulture Pervoi Poloviny XIX V. Svod Maloizvestnykh Svidetelstv Sovremennikov* [Crimean Myth in Russian Culture of the First Half of the 19th century. A Collection of Little-Known Testimonies of Contemporaries]. K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervykh, A. S. Sheremet (ed.). Velikiy Novgorod – Simferopol: Rastr Publ., 2017. 768 p.
12. Lalaev M. S. *Imperator Nikolai I, Zizhditel Russkoi Shkoly: Istoricheskii Ocherk* [Emperor Nicholas I, the Founder of the Russian School. A Historical Sketch]. St. Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha Publ., 1896. 274 p.
13. Lashkov F. F. *Tretya Uchebnaya Jekskursiya Simferopolskoi Muzhskoi Gimnazii* [The Third Study Tour of the Simferopol Male Gymnasium]. Simferopol: Tipografiya P. T. Gordievskogo Publ., 1890. 254 p.
14. Orekhova L. A. *Arzamas i Literaturnye Orientiry D. M. Knyazhevicha* [Arzamas and Literary Landmarks of D. M. Knyazhevich]. *Literaturnoe Obshchestvo Arzamas: Istoriya i Sovremennost. Sb. Nauch. Statei*. Arzamas – Nizhnii Novgorod: Rastr Publ., 2015. pp. 114–124.
15. Orekhova L. A. *D. M. Knyazhevich: Literatura i Prosveshchenie* [Knyazhevich: Literature and Education]. *Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: X Mezhdunar. Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (8–11 Iyunya 2016 G.): Sb. Nauch. Statei. V 2-kh T.* Simferopol: ARIAL Publ., 2016, vol. 2, pp. 474–478.
16. Orekhova L. A. *Literaturno-Kriticheskie Vozzreniya D. M. Knyazhevicha (po Publikatsiyam v Sankt-Peterburgskom Vestnike 1812 Goda)* [Literary and Critical Views of D. M. Knyazhevich (Based on Publications in the St. Petersburg Bulletin of 1812)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2015, vol. 1(67), no. 1, pp. 79–87.
17. Orekhova L. A. *O Sobraniyakh Poslovits V. I. Dal'a, F. I. Buslaeva i D. M. Knyazhevicha* [About the Collections of the Proverbs by V. I. Dal, F. I. Buslaev and D. M. Knyazhevich]. *V. I. Dal – Pisatel i Jetnograf: Sb. Nauch. Trudov, Posvyashchennyi 200-Letiyu V. I. Dal'a*. Torzhok: Vserossiiskii Istoriko-Jetnograficheskii Muzei Publ., 2003, pp. 103–114.

18. Orekhova L. A. *Sosed Derzhavina M. D. Knyazhevich* [Derzhavin's Neighbor M. D. Knyazhevich]. *Novgorodskii Derzhavinskii Sbornik (K 200-Letiyu so Dnya Smerti Pojeta)*. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2016, pp. 130–142.
19. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arkhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol: SGT Publ., 2010. 480 p.
20. Orekhova L. A., Pervykh D. K. *Pismo P. P. Svinina v Otechestvennye Zapiski kak Material dlya Kommentariya k Putevym Zametkam A. S. Griboedova* [Letter by P. P. Svinin to Otechestvennye Zapiski as Material for Commentary on A. S. Griboyedov's Travel Notes]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo*, 2020, vol. 6 (73), no. 4, pp. 70–91.
21. *Rossiiskaya Natsionalnaya Biblioteka (RNB). Rukopisnyi Otdel* [The Russian National Library (RNL). Handwriting Department]. St. Petersburg, f. 777 (Tikhonov P. N.), inv. 2592, sh. 3–4.
22. *Rossiiskaya Natsionalnaya Biblioteka (RNB). Rukopisnyi Otdel* [The Russian National Library (RNL). Handwriting Department]. St. Petersburg, f. 865 (Shlyapkin I. A.), inv. 29.
23. Safonov S., Nadezhdin N., Grigoryev V. *Dmitrii Maksimovich Knyazhevich. Nekrolog. 1844* [Dmitry Maksimovich Knyazhevich. Obituary. 1844]. *Chrezvychainoe Pribavlenie k Zapiskam Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa, 1844, vol. 1. 24 p.
24. Skalkovskii A. *Obshchestvennoe Obrazovanie Novorossiiskogo i Bessarabskogo Kraja v 1840-kh Godakh* [Public Education of the Novorossiysk and Bessarabian Regions in the 1840s]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. St. Petersburg, 1847, no. 5, pp. 28–81.
25. Telkova V. A. *Idei Vseobshchei Grammatiki v Oblasti Sintaksisa i Ikh Otrazhenie v Otechestvennoi Uchebnoi Literature Nach. XIX Veka* [Ideas of General Grammar in the Field of Syntax and Their Reflection in the Domestic Educational Literature of the Early 19th]. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya*, 2020, no. 4, pp. 31–38.

**ON TEACHING RUSSIAN AND NATIONAL LANGUAGES
IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE TAURIDA GOVERNORATE OF
THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY**

Orekhova L. A.

The article uses archival documents of the 1820s – 1840s. These documents were found in the funds of the State Archives of the Republic of Crimea, as well as in the Manuscript Department of the Russian National Library. An analysis of these documents makes it possible to assess the state and problems of public education in the Taurida Governorate at the beginning of the 19th century. The article used monthly reports and memorandums of teachers to the Directorate of Taurida schools. Teachers reported to the Directorate about the progress of the educational process, the number, nationalities of students and their progress, about the living conditions of work of county and parish schools. Documents presented reflect the initiatives of the Ministry of Education of Russia in the field of national education. We also highlighted the activities of the trustee of the Odessa educational district,

D. M. Knyazhevich, who inspected public schools, developed libraries in schools, and compiled didactically verified curricula. These programs provided for a consistent increase in teaching hours in Russian and national languages in educational institutions. We paid great attention to the measures of the provincial government for the training of national personnel (teachers, translators, officials) and for the opening of the Tatar school department in the Simferopol gymnasium. We described the norms of state funding, the conditions for admission and residence of students of the Tatar school department, as well as the activities of the graduates of this school. These graduates worked as teachers and made attempts, in particular, to create textbooks and teaching aids on the Crimean Tatar language. We also paid attention to the documents about the exam in the Russian language, which took place on September 15, 1839 at the Simferopol district school. This exam was taken by candidates for the position of a teacher. In the examination sheets, examples of sentence analysis, criteria and comments for assessing knowledge have been preserved.

Key words: public education in the Taurida governorate, Odessa educational district, D. M. Knyazhevich, Tatar school department, educational programs.